

Глава 13. Продолжай целовать

В пальце возникла совсем лёгкая боль, и Фу Линцзюнь на миг опешил.

Желающих убить его было много, и шрамов на его теле тоже оставили бессчётно. Но такое слабое, бесполезное, мягкое сопротивление он встретил впервые.

Это было даже не сопротивление, а скорее ласка и поцелуи.

Фу Линцзюнь отдернул палец.

Палец, который только что целовали, весь был измазан тёплой слюной. Он долго смотрел на него, мокрый и блестящий, а затем снова протянул руку к мордочке комочка:

— Целуй.

В душе Цзян Тан уже сыпал проклятиями без остановки, одно за другим, как строки бегущих комментариев.

Сначала он ругался ещё относительно прилично: «А-а-а, как же холодно, чёртов извращенец», «Если хочешь со мной купаться как парочка, так и скажи, чего выкаблучиваешься», «Кожа у этой сволочи и правда толстая, не прокусишь, бесит». Но чем сильнее мёрзло тело, тем бесстыднее становилась мысленная брань. То «кровожадный чёрный лотос», то «я, может, и не собака, зато ты точно псина», то «пусть твои рога будут ещё и с меховой подкладкой», то «хоть десять раз тебя кремируй, ни одной реликвии не останется». Под конец мозгу уже не хватало кислорода, и ругательства начали иссыхать.

Видя, как красавец снова протягивает руку — откровенно вызывающе, — он с рычанием бросился кусаться: от среднего пальца добрался до мизинца, потом и до тыльной стороны ладони.

Он кусал всю руку, облизывал её целиком, а на лице красавца выражение становилось только всё более оживлённым. Тот улыбался так ярко и жарко, будто соблазнительная лисица-оборотень из книжек.

Цзян Тан чуть не отключился от злости.

А-а-а, чёртов извращенец! Почему его кусают, а он улыбается так развратно?!

Фу Линцзюня эти частые мелкие «поцелуи» на руке откровенно забавляли. Глаза его лукаво изогнулись, и он перестал брезговать грязноватым пушистым комочком. Вытащив зверька из воды, он начал тщательно мыть его, сантиметр за сантиметром. Тот заметно исхудал —

наверное, из-за того, что с телом становилось всё хуже. Он уже не выглядел таким кругленьким, как при первой встрече. Зато был мягкий и тёплый, и тереть его оказалось неожиданно приятно.

Надо бы кормить его побольше. Пусть отъестся.

Фу Линцзюнь и не подозревал, насколько «бережно» на деле его трёт. Цзян Тану вдруг живо вспомнилось детство и то, как отец мыл его в ванной, будто собирался содрать с сына целый слой кожи. Теперь кожа была делом второстепенным — Цзян Тану казалось, что у него скоро вся шерсть сотрётся.

Непредсказуемый красавец вымотал его до полной потери нрава. Цзян Тан только жалобно пищал и уже не смел сопротивляться. Всеми четырьмя лапами он вцепился в руку Фу Линцзюня и с усилием выбрался из воды наверх. Глаза, круглые, как виноградины, налились влагой, а с видом мокрой собаки он и вовсе выглядел донельзя жалко.

Фу Линцзюнь провёл ладонью по его худой спине, и улыбка на его лице постепенно сошла.

— Ты хоть знаешь, что скоро умрёшь?

Лишившись кости судьбы, благой зверь, вобравший в себя духовную энергию неба и земли, обречён был слабеть день ото дня.

Цзян Тан его не понимал. Да и понимать сейчас совсем не хотел. Вода в этом озере была явно куда ниже нуля, но почему-то не замерзала. Он долго барахтался в ней, и теперь всё тепло из тела ушло. Кусаться сил уже не осталось. Оставалось только жалобно поджимать хвост и, как последний подлиза, карабкаться наверх по руке красавца.

На этот раз его не вдавили обратно в воду.

Цепляясь за красивые линии мышц, одуревший от холода Цзян Тан вскарабкался с руки Фу Линцзюня к нему на плечо. Ему даже хотелось ещё глубже влезть к нему на грудь и хоть немного погреться. Он клялся себе, что сейчас ему совершенно не до красоты. Ему просто чудовищно холодно, вот и всё.

Маленький зверёк, дрожа у него на плече, всё попискивал и попискивал, думая только о тепле перед собой и понятия не имея, что ждёт его дальше.

— И правда тупая собака. Ничего-то ты не знаешь, — сказал Фу Линцзюнь.

Он медленно поднялся из воды. Длинные мокрые волосы рассыпались по спине, и он стал похож на водяного духа, что губит людей одной лишь красотой. Его белое, крепкое тело было испещрено большими и малыми шрамами, но они ничуть не уродовали его. Напротив,

придавали этой красоте какую-то надломленную хрупкость.

Он был словно дорогой белый фарфор с отбитым краем. Словно яркая луна, упавшая с неба в грязную лужу. Словно статуя Будды, которой в храме день за днём поклонялись верующие, и вдруг по этой статуе пошла трещина, сделав её уже не такой недосягаемой.

Чёрная одежда с берега резко взметнулась к нему и легла на плечи, скрывая прекрасный вид. На ходу запахивая её, он пошёл к берегу.

Оказавшись на суше, Цзян Тан всё тряс и тряс шерсть, но, как бы ни старался, ледяная вода уже въелась в кости. Его колотило так, что разум плыл. Хотелось только забиться в тёплую грудь рядом.

Кругом стояла тьма. С озера тянуло ледяным горным ветром, и чисто вымытый зверёк дрожал ещё сильнее.

Фу Линцзюнь прикрыл его полами одежды от ветра, нашёл место с подветренной стороны и сел. Стоило ему чуть шевельнуть рукой, как вокруг зашелестело. Затем шелест стал громче, и с неба посыпалась целая куча сгнивших деревяшек, с треском упав прямо перед ним.

Он поднял руку, и на белых пальцах вспыхнуло золотисто-красное пламя, вмиг поджёгшее сырую труху.

Огонь вспыхнул ярко.

Он поставил рядом с костром мокрого, съёжившегося, худенького зверька, и тепло тотчас окутало Цзян Тана со всех сторон. Ненасытный до тепла, он тут же придвинулся ещё ближе, нашёл место поровнее и плюхнулся животом вниз.

Уф, как хорошо.

Промёрзшие до костей внутренности медленно начинали оттаивать. Это было почти как после ледяной купели войти в жаркую парилку. Цзян Тан тихонько заскулил от удовольствия и вскоре блаженно заснул.

Отмытый комочек снова стал таким же белым и пушистым, как при первой встрече, — словно озорное облачко, сбежавшее с неба.

Костёр пылал жарко.

Этот огонь осветил запретную землю, тысячи лет погружённую во тьму. Тень Фу Линцзюня качалась вместе с пламенем. Сидя у огня, он прикрыл глаза и наслаждался редким для себя

мигом, когда голова наконец не болела. Напряжённые до предела нервы постепенно отпускало, и всё его существо лениво обмякло.

Огонь целовал его лицо, обводя поразительно прекрасный профиль.

Оранжево-золотые языки пламени весело плясали. Порой один из них взметался слишком высоко, и искра слетала в сторону, падая на спящего рядом маленького зверя.

Фу Линцзюнь открыл глаза только тогда, когда почувствовал запах палёного.

На пушистой, как облачко, заднице зверька откуда-то оказалась искра, и клочок белой шерсти уже успел обуглиться. Выражение лица у него стало странным, а потом он вдруг не выдержал и громко расхохотался.

На этот раз он смеялся не тем своим издевательски-извращённым смехом, каким дразнил Цзян Тана раньше. Это был скорее беззаботный смех ребёнка, увидевшего что-то невероятно забавное.

Но, как бы он ни смеялся, среагировал Фу Линцзюнь мгновенно: подхватил загоревшийся комочек, сбил огонь с подпалённой задницы и поднял повыше, чтобы рассмотреть.

Немного уродливо получилось.

И он снова не сдержал смеха. Смеялся так сильно, что весь дрожал, и именно этим разбудил Цзян Тана.

Что опять? Настроение этого человека и правда меняется быстрее погоды. С чего ему вдруг так весело?

Тело у Цзян Тана уже как следует прогрелось. Впервые за долгое время он спал спокойно. В последнее время засыпать становилось всё труднее: днём ещё куда ни шло, с Сян Сином можно было хоть как-то отвлечься, но стоило лечь ночью, как тело начинало болеть. Боль расплзалась от спины всё дальше и дальше.

Она не была совсем уж невыносимой, но и не давала расслабиться. Цзян Тан решил, что это, наверное, последствия того, что из него тогда в клетке выкачали слишком много крови, — вроде анемии. Да и ел он всё время одно и то же, никакого нормального питания. Так что чувствовать себя паршиво, пожалуй, было вполне естественно.

Сейчас от тепла совсем не хотелось открывать глаза. Даже проснувшись от шума, он не собирался вставать. Только ещё сильнее уткнул пушистую голову в тёплую грудь красавца, оставив снаружи лишь небольшой подпалённый клочок задницы.

Фу Линцзюнь вытащил мягкое длинное ухо зверька и слегка помял его в пальцах.

Ухо недовольно дёрнулось, но зверёк даже позы не сменил, продолжая спать у него на руках, раскинувшись как попало. Фу Линцзюнь же будто нарочно не давал ему покоя: то дёргал за шерсть на хвосте, то щипал мягкие подушечки лап — и явно получал от этого удовольствие. Пушистый комок в ответ совсем не сопротивлялся. Хоть катай, хоть мни — он всё равно продолжал спать.

Так у костра они просидели очень долго. Вернувшийся из своей вылазки Сян Син, обнаружив, что и хозяин, и Сяо Бай исчезли, испугался не на шутку. Он догадывался, где может быть хозяин, но это место ему самому внушало неприятное чувство. Хозяин никогда не водил его туда, и он сам никогда туда не ходил. Но теперь Сяо Бай пропал, и Сян Сину ничего не оставалось, как ринуться искать хозяина, сотрясая землю каждым шагом.

Стоя на тропе, ведущей в ту закрытую часть, он неловко позвал:

— Хозяин... хозяин...

Фу Линцзюнь его попросту проигнорировал.

Только когда костёр почти догорел, а комочек у него в руках спал всё так же сладко, он наконец вышел наружу. Увидев, как Сян Син уставился на маленького зверька глазами голодного щенка, Фу Линцзюнь тут же соорудил раздражённую мину и без всякого предупреждения уверенно швырнул зверька ему в руки.

Сян Син в панике подхватил его. Ему ужасно хотелось пожаловаться, что хозяин так грубо обращается с любимым Сяо Баем.

— Кстати, — вспомнил вдруг Фу Линцзюнь о ране зверька, и в сердце его шевельнулась мысль. Но лицо оставалось всё таким же холодным. — Он скоро умрёт. Ты уже придумал, где будешь его хоронить?

Сказав это, он ещё и слегка вскинул бровь, явно желая посмотреть, как Сян Син начнёт всерьёз об этом размышлять.

Громадина, похожая на гору, мгновенно застыла.

Он посмотрел на мягкий комочек у себя в руках, потом на хозяина. В его с виду свирепых глазах с поразительной скоростью набрались слёзы. Не отрывая взгляда от Фу Линцзюня, он почти плача сказал:

— Сяо Бай... не умрёт. Хозяин... Сяо Бай... не умрёт.

Он и правда вот-вот собирался разрыдаться, словно комочек у него на ладони уже умер и он начал по нему причитать.

Фу Линцзюнь тихо фыркнул:

— Бесплезная ты деревяшка.

Но, как бы там ни было, именно этого он и ждал — что Сян Син станет умолять его помочь.

С видом человека, которому невероятно не хочется тратить на это силы, он протянул руку и коснулся зверька. Провёл от позвоночника вниз, туда, где когда-то находилась кость судьбы. С кончиков его пальцев потёк мягкий золотисто-красный свет, постепенно складываясь в крошечного феникса.

Весь феникс был соткан из ласкового огня. Он был тёплым на ощупь, сперва доверчиво потёрся о пальцы Фу Линцзюня, а потом, взмахнув красивыми крыльями, влетел в тело Цзян Тана.

Во сне Цзян Тан вдруг почувствовал, как та смутная боль, что всё это время тянулась в спине, исчезла. От больного места во все стороны стало разливаться тепло — мягкое, уютное, способное унять всякую усталость и боль.

Он довольно пискнул и перевернулся в ладони Сян Сина на другой бок.

Сян Син будто и сам почувствовал, что в комочке что-то изменилось. Он перестал причитать и, всхлипывая, спросил:

— Хозяин... Сяо Бай... не умрёт?

Фу Линцзюнь лениво повёл кистью и высокомерно приподнял подбородок:

— Пока я здесь, он не умрёт.

Услышав это, Сян Син наконец успокоился.

Он шмыгнув носом, осторожно погладил комочек огромной ладонью... и, дотронувшись до задницы, снова заревел:

— Сяо Бай... сварился.

Там уже подгорело. Он даже запах чувствовал.

Цзян Тан пока ещё не знал этой трагической новости про обгоревшую шерсть на заднице.

Он наконец-то нормально вымылся, тело было тёплым, и потому проспал очень долго.

Не зная, оттого ли, что он слишком заиклился на красных плодах, или просто так совпало, но даже во сне ему приснилось, будто он карабкается вверх по большому плодоносящему дереву. Дерево казалось бесконечным. Во сне он лез очень, очень долго. И когда уже почти хотел сдаться, перед ним внезапно появилась огромная дверь из льда.

Дверь была прозрачной. По четырём углам шли таинственные узоры, густо оплетавшие лёд, будто запечатывая его. Он попробовал подойти, но чем больше шагов делал, тем холоднее становилось, а дверь всё равно оставалась на том же расстоянии. Точь-в-точь луна в воде или цветок в зеркале: видно, а не дотронешься.

Из-за двери доносился какой-то голос.

Он звучал очень издалека, разобрать было почти невозможно. И всё же Цзян Тан почему-то чувствовал, что смог бы понять этот язык. Какая-то странная, поднимающаяся из самой глубины души знакомость окутала его целиком. Сознание словно отделилось от тела и медленно поплыло к ледяной двери.

— ...наконец... нашёл...

Из-за ледяной преграды голос слышался плохо. Цзян Тан долго вслушивался и смог уловить лишь эти несколько туманных слов. Смысла он всё равно не понял, да и спать хотелось ужасно. Так что он лениво отмахнулся от странного сна и продолжил дрыхнуть.

Проснувшись, он обнаружил, что свернулся клубком в объятиях здоровяка.

Вот чёрт. Неудивительно, что во сне становилось всё холоднее. Тело у здоровяка само по себе ледяное. Если спать у него на руках и при этом не околеть, это уже чудо.

Бранясь про себя, Цзян Тан начал выбираться из объятий Сян Сина. И тут же с ужасом заметил, что красавец не лежит, как обычно, на мече, а сидит прямо рядом.

В памяти мгновенно всплыло всё, что было раньше.

Он невольно покосился на пальцы красавца и облизнулся.

Хорошо, что тогда не прокусил.

Пусть заботился о нём в основном здоровяк, но Цзян Тан умел смотреть в корень. Он вполне ясно осознавал, что был неправ, и очень усердно, совершенно искренне собирался хоть как-то это загладить.

Поэтому он послушно подошёл к Фу Линцзюню и лёг у его ног.

То ли потому, что его наконец отмыли, то ли ещё по какой причине, но Цзян Тану вдруг показалось, будто вокруг разлит приятный аромат. И нет, это не самовлюблённость. Так говорили и муравьи, и светлячки. Просто раньше он сам ничего такого не чувствовал.

Теперь же у носа вился едва уловимый запах, похожий на сандал. Сладкий в начале, густой в середине и с лёгкой остринкой в послевкусии. Никак не описать. От него почему-то становилось бодро, почти перевозбуждённо. Будто кофе выпил и захотелось плясать.

Он долго принюхивался и так же долго лежал, но красавец вообще никак не реагировал. А это уже было странно. Обычно тот был настороже: стоило чему-то шевельнуться у него под боком, и он уже сверлил всё своими ледяными глазами. Почему же теперь, когда Цзян Тан так старательно подлизывался, он даже не взглянул?

Цзян Тан приподнялся и, привстав на коротких лапках, изо всех сил потянулся, пытаясь заглянуть ему в лицо.

На лбу красавца выступила тонкая испарина. И без того бледное лицо сейчас было белым, как бумага, будто человек вот-вот умрёт. Глаза его были закрыты, брови сдвинуты, а под веками зрачки беспокойно дрожали и метались.

Что? Ему нехорошо?

Цзян Тан почти не успел толком с ним сблизиться. Прежние встречи были короткими и отстранёнными. Но сейчас, оказавшись рядом, он вдруг ясно почувствовал: этот Фу Линцзюнь совсем не такой, как раньше. Если прежде он был похож на меч, то теперь — на белый фарфор, вот-вот готовый рассыпаться. Опасный и надломленный.

И всё же совсем не к месту хотелось сказать: какой же он красивый, ну невозможно. Как вообще человек может быть настолько совершенным? Длинные густые ресницы дрожали, словно крылья бабочки, и у Цзян Тана от этого начинало таять сердце.

Теперь он понял, для какой красоты вообще придумали выражение «Си Ши прижимает руку к груди[1]». Сам того не заметив, он подался ближе, хотел лапкой стереть пот у красавца со лба — но лапы были слишком короткими, он даже не дотягивался.

А Фу Линцзюнь в этот момент был заперт в бесконечном кошмаре.

Перед ним тянулись окровавленные руки и пустые, холодные, враждебные взгляды.

Он висел в воздухе, а эти мокрые, липкие, иссохшие руки изо всех сил тянули его вниз, в бездонную пропасть. В их глазах не было чувств — только безжизненное повторение:

— Иди с нами в ад. Спускайся...

Снова и снова. Впиваясь прямо в душу.

Он уже почти срывался в безумие. Хотел вырвать из своей души всё, что туда вцепилось.

И вдруг что-то маленькое, тёплое, пушистое, шевелящееся нырнуло к нему в объятия. Лёгкий, сладкий с остринкой аромат разогнал удушливость, и на миг Фу Линцзюнь забыл о резне и предательстве.

Он вынырнул из кошмара и опустил взгляд. В его объятиях бесцеремонно устроился пушистый комочек. Увидев, что тот открыл глаза, зверёк радостно замахал пушистым хвостом, тихонько заскулил и потёрся о его руку.

— И-у-у...

Цзян Тан тёрся мягкой щекой о слегка прохладную ладонь, хвостом шлёпал его по руке, а огромные влажные глаза будто спрашивали: «Что с тобой? Где тебе плохо?»

У Фу Линцзюня дрогнул кадык.

Он протянул руку и поднял мягкий белый комочек.

Тепло и мягкость были словно луч света для человека, давно запертого во тьме.

Он помял пушистую голову, потом провёл ладонью по мягкому тельцу до самого пышного хвоста.

— Уже не больно?

[1] «Си Ши прижимает руку к груди» — отсылка к одной из четырёх великих красавиц

древнего Китая. По легенде, когда у неё болело сердце, она прижимала руку к груди, и даже в этом страдальческом жесте выглядела особенно прекрасной. Выражение обозначает хрупкую, болезненную, щемяще-трогательную красоту.

<http://bllate.org/book/17032/1600272>